

* * *

Наплевать, что слова наплывают
друг на друга в усталом мозгу.
Обо мне ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Но не в этом ирония злая
задыхания строк на бегу:
о тебе ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Снова рифмы морскими узлами
я в бессонные строфы вяжу.
Ни о чём – ничего – не узнают,
если я – обо всём – не скажу.

* * *

Сегодня шёл снег,
а я вчера слёг –
вокруг меня сверк-
анье и шёлк.

Бумага лежит,
событьем не став,
на сердце у лжи
отныне нет прав.

Скажи мне, что я
не знал бы и так –
что шепчет, штормя
октябрьский мрак,

не видимый нам,
не слышимый нам,
идуший по снам,
как по головам, —

простой имярек,
валящийся с ног —
варяг или грек,
а может быть — бог.

* * *

День был присыпан, и побелен,
и страшен, как Толстой в гробу,
и я увидел новый берег
в свою позорную трубу.

Он восставал за дней туманом
и расстилался, как кровать,
но был оптическим обманом,
как начал я осознавать:

всего-то я жирок на попе
в мечтах пиратских нагулял,
да в оскоплённом телескопе
последний треснул окуляр,

да рядом мой дружбан по дури
глотаёт текстов мумиё,
и всё выпрашивает бури,
и не дают ему её.

* * *

Юго-запад. Вьюга. Западня.
Заводить мне на себя досье ли,
если узнаю я за полдня
всё, что о себе не знал доселе?..

И теперь, валяясь на снегу,
и ошую я и одесную,
но принять как благо не могу
эту правду – зимнюю, земную.

А под снегом зиждется трава
и растёт во мраке тихой сапой.
Ей уже дано существовать.
Запределье. Вьюга. Юго-запад.

* * *

Девятое. Январь. Бескровная суббота.
Гапона – не видать, зато гопов – полно.
Трезвеет русский люд, уже грядёт работа,
и на пустынный мир распахнуто окно.

Летит ленивый снег на игровое поле,
и остывает чай на выцветшем столе.
Чего-то в жизни я, наверно, недопонял,
и бедный разум мой заходится во мгле.

Чего-то не прочёл в тяжёлых голых книгах,
чего-то не узнал о скорби и вине,
иначе б уловил в своих похмельных криках
тот шёпот, что сейчас расходится по мне,

как краска по воде, как дым по горизонту,
как звуки – по словам, по мышцам – паралич,
но бесполезны все последние резоны,
как в одинокий пруд заброшенный кирпич.

Открыт угарный газ сравнений и метафор,
и, надышавшись им, ты можешь лишь одно:
с помятой койки встать, засунуть ногу в тапок
и совершить себя, не выходя в окно.

Не страшно умереть, но страшно, умирая,
отдать себе отчёт, что не сошёл с нуля.
За первую волной всегда идёт вторая.
Даст бог, я буду здесь к началу февраля.

* * *

Насквозь трахею прослезив
холодными слезами, снова
толкает маленький Сизиф
по горлу каменное слово.

Оно срывается вовнутрь
и, грохоча по диафрагме,
выстукивает: «не ревнуй
меня к молчанью. Ты не враг мне».

А в мире – тишь. Над гладью крыш
кирзой обтянутые звёзды..
Сказать пытающийся – лишь
царапнет странным звуком воздух,

и эхо стукнется – об рельс
трамвайный иль о ворс ковровый,
но вечности уже в обрез:
кати, мой маленький, по новой.

* * *

Ты верил в то, что ко всему готов,
и всё терпела бедная бумага,
но полное отсутствие следов –
не показатель правильности шага.

Любимые приход мятежный твой
не ощущали ни душой, ни кожей,
но ты располагался в гостевой,
пока иные плакали в прихожей.

Чернила стыли, голосок ветшал
и стало ровно и врагу и другу
всё то, о чём ты трепетно вещал,
решивши вдруг (с какого перепугу?),

что отбирать ты волен и давать,
взяв на себя прерогативы бога...
И топчешься теперь у входа в ад
с табличкой «Разувайтесь у порога».

* * *

Ты, странный, глухой, незаметный,
растущий сквозь тьму, как зерно,
но всё же не ставший заменой
тяжёлой печали земной –

мой голос, сырой и увечный,
желавший, как шумный родник,
струиться сквозь белую вечность
в бессмертия чёрный рудник;

срывавшийся в шёпот порою
и часто – в свистящий бурун,
ты стлался тоскою перронной
и грома метал, как Перун.

Пропитанный спиртом камфорным,
ты путал всю полюса
и рвал за пределы комфорта
пустые мои телеса,

и вырвал, похоже, что с корнем,
сломав изумлённую пясть.

Мой голос, я верю, что скоро
смогу я с тобою совпасть

и больше не стану рядиться
за страшное право сказать
про главное это единство,
в последний впадая азарт.

* * *

*Я только стих,
я только душа.
В. Маяковский*

Не отыскав ни боли, ни тоски
внутри себя, ни радости, ни света,
надень, дружок, дырявые носки
и выйди в переполненное лето

и вспомни о пустующей зиме,
просторной для отчаянного жеста
навстречу тем, кто мерно спит в земле
и тем, кому в ней не хватает места,

и тем, кто с облупившихся трибун
смотрел на ход твоих глухих ристалищ,
кто вылетели птичками – в трубу,
пробрезжили, растаяли, расстались,

и даже тем, кто засыпал с тобой,
кто засыпал любовью и заботой,
кого ты нежной придавил стопой
чужого ямба, выпил, отработал...

И если вновь пойдёт такая жесть
и снова будет не опять, а снова,
спроси себя тихонько: кто я есть?

Ты – только слово, милый,
только слово...